

КАК ПОСТРОИТЬ ПАРТИЮ, КОТОРАЯ
ИЗМЕНИТ МИР И НЕ ПОТЕРЯЕТ СЕБЯ

Как построить партию, которая изменит мир и не потеряет себя

Содержание

- 1. Введение**
- 2. Диктатура и демократия**
- 3. Проблема бюрократии**
- 4. Как переустроить подготовку кадров**
- 5. Какие пути не приведут к успеху**
- 6. Заключение**

Введение

Кризис коммунистического и, беря шире, левого движения сегодня очевиден, нет нужды доказывать его. Последние крупные победы прогрессивных политических сил остались во второй половине 20 века. После поражения СССР и социалистического блока мы наблюдаем, в основном, демонтаж завоеваний социализма на постсоветском пространстве и в других регионах мира. Лишь Китай, который вынужден был пойти на сделку с консолидированным империалистическим миром, оставляет некоторую надежду на дальнейшее подлинное развитие человечества, но, будучи частично заражён капиталистическим укладом, он также таит в своём теле вирус, который может швырнуть его на путь буржуазной реставрации.

В этом контексте крайне важно понять, как быть с этим кризисом, какие пути выхода из него есть и как по ним следует идти? Эти вопросы отнюдь не праздные, учитывая быстро меняющийся глобальный политэкономический контекст. Как мы и писали в нашей работе, посвящённой анализу новейшего ультраимпериализма, — мир распадается на обособленные империалистические блоки. Напомним, с точки зрения разработанной нами теории, ультраимпериализм — это политэкономическая система, при которой национальные рынки и их хозяева — финансовый капитал — были вынуждены максимально консолидироваться друг с другом для противостояния сильной социалистической угрозе и подчиниться вожаку в лице одного государства, который сможет обеспечить национальным капиталам защиту от интернациональной силы пролетариата. В процессе этой консолидации, которая носила стратегический характер, национальные рынки и финансовый капитал этих рынков всё больше теряли свою политэкономическую субъектность, становились всё более зависимыми от образовавшегося глобального рынка, который стал общим экономическим телом консолидированного империалистического мира.

Фактически, к ленинской теории империализма добавляется еще одно противоречие — конфликт между ультраимпериализмом и региональным империализмом. Появление этого противоречия обусловлено противостоянием сильного социалистического и консолидированного буржуазного блоков. Это противоречие будет существовать до момента распада системы ультраимпериализма, оно же не дает начать организованную международную рабочую борьбу. Более подробно мы описывали это в нашей книге, с которой рекомендуем ознакомиться, так как настоящая брошюра во многом является продолжением начатого там исследования.

Сегодня фрагментация мировой политики и экономики лишь усилилась, особенно после победы политических сил трампизма в США, противостоящих ультраимпериалистическим институтам. Близится время, когда коммунистам нужно будет действовать, выходить на историческую арену борьбы. Из-за предчувствия этого в левом движении появляются самые разные программы, предлагающие следовать тем людям, которые уже пришли к марксизму или как

минимум присматриваются к этому пути.

Потому мы считаем важным внести теоретическую ясность в этот вопрос. Нужно чётко понимать, какие пути для политического становления коммунистов приемлемы, а какие прямо вредны. Более того, с учётом весьма специфического исторического контекста следует, опираясь на опыт предшественников, понять, как можно построить политическую организацию так, чтобы в ней были механизмы очистки от тех реакционных тенденций, которые в своё время погубили КПСС. Это далеко не полный перечень задач, которые стоят в рамках данной брошюры, но это ключевые вопросы, ради разрешения которых она написана.

В современных условиях партия не смогла состояться, потому что она может сформироваться лишь вокруг теоретического ядра. Теоретическое ядро же не сформировано, потому что сегодня самые разные левые лишь бездумно пользуются установками Ленина-Сталина, а то и Троцкого, начала 20 века, отказываются анализировать те изменения, что произошли в мире за последние 100 лет. Этому вопросу мы посвятили отдельную книгу, так что здесь не будем останавливаться на данной проблематике.

Лишь выработав и приняв адекватный теоретический подход к актуальной реальности, можно действительно организовать ядро партии и начать её развитие. Вопросы конкретного партийного строительства — это вопросы к конкретным же историческим, политическим и социальным условиям, в рамках которых будет строиться партия. Однако в рамках данной теоретической брошюры не лишним будет поднять ряд принципиальных вопросов, которые могут не только облегчить дело партийного строительства, но и на этапе становления такой организации «вшить» в её «ДНК» элементы, которые позволили бы избежать участия КПСС.

Диктатура и демократия

Требуется разобрать вопрос диктатуры и демократии — именно вокруг него ломали копья левые теоретики прошлого, и порой подчас не самые бесталанные марксисты приходили к прямо вредным для дела рабочего класса выводам. Чего только стоят троцкисты (они, разумеется, не марксисты вовсе), которые фундаментально неверно понимали вопрос относительно внутреннего устройства советского общества — что и привело их в конечном счёте в стан врагов коммунизма.

В конечном счёте диктатура и демократия - это чрезвычайно абстрактные понятия до тех пор, пока мы не наполним их конкретным политэкономическим содержанием. Античная демократия, которая являлась вершиной развития политического подхода для многих последующих поколений, имела своим фундаментом рабский труд. Великие «демократы», типа Платона или Аристотеля, занимались философией именно потому, что заботы по материальному содержанию философов брали на себя рабы, которые, с точки

зрения Аристотеля, могли быть приравнены к таким же орудиям труда, как молоток или топор, но за тем лишь исключением, что они могли разговаривать. Сегодня мы вряд ли назовём такую демократию действительно демократичной.

С диктатурой, казалось бы, всё проще — это когда вокруг той или иной политической силы концентрируются настолько большие полномочия, что этот центр может без опоры на другие центры определять всё развитие политики. Однако для марксиста и тут всё гораздо сложнее. В конце концов мы знаем, что в рамках классового строя корректно говорить про классовую диктатуру, когда ввиду своего специфического положения в системе производства и распределения благ тот или иной класс занимает доминирующее положение во всей классовой конфигурации, за счёт чего способен осуществлять свою политику без опоры на другие классы.

Марксисты честно говорят о том, что в плане политики они стремятся к «диктатуре пролетариата», то есть к положению, в рамках которого рабочий класс будет иметь решающее стратегическое значение для определения всей политики общества. Однако то, как конкретно это будет реализовано, конечно, зависит от конкретных же исторических, политэкономических обстоятельств.

В одних исторических условиях диктатура пролетариата может быть реализована лишь через главенствующее положение партии как авангарда рабочего движения. Ведь в конечном счёте переход от капитализма к коммунизму в той или иной стадии завершённости будет происходить из буржуазных отношений. Миллионы рабочих, воспитанные в рамках капитализма, несущие на себе отпечаток буржуазных отношений и мыслящие в той или иной мере по-буржуазному, оказавшись у власти ввиду исключительно своей классовой принадлежности, смогут реализовывать свою индивидуальную буржуазность через политические инструменты диктатуры пролетариата. Таким образом сама система доминирования рабочих оказывается при определённых раскладах системой реставрации капитализма или системой расточительства ресурсов, необходимых для развития коммунизма, на мелкобуржуазные нужды большинства рабочей массы, всё ещё не избавившейся от капиталистических элементов в сознании. Отсюда берутся аргументы, что если «от каждого по способности, каждому по потребностям», то разведётся много тунеядцев, забирающих себе десяток домов и сотню машин ради гедонистических удовольствий. И в условиях той рабочей демократии — диктатуры пролетариата, — которую рисуют троцкисты и их идеальные наследники, этот аргумент действительно наполняется практическим содержанием.

Поэтому и нужна партия как некое ситечко или фильтр, которая сможет абсорбировать в себя самые подготовленные, сознательные, теоретически подкованные кадры из числа рабочих, дабы те смогли использовать диктатуру пролетариата для переформатирования общественного сознания и наиболее рационального использования экономических ресурсов. В этом отношении «диктатура партии», как её называют противники коммунизма справа и несознательные левые троцкистского толка, — это историческая необходимость, без которой путь движения к коммунизму становится стократ сложнее, ведь в

этом деле остаётся больше пространства для буржуазных элементов внутри и вне общества повлиять на политику социалистического государства. При социализме классовая борьба не ослабевает, а лишь обостряется, так как мировая реакция будет употреблять все свои силы для уничтожения социалистического лагеря, так что подобные политические заявления троцкистов и неолибералов можно сравнить с предложением дать полную свободу отдельным частям одной армии перед генеральным сражением. Да, есть шанс, что все осознают серьёзность ситуации и будут максимально эффективно использовать свои ресурсы для вклада их в общую победу, но если что-то пойдёт не так, и какая-то часть войска вдруг дрогнет, ошибётся или перейдёт на сторону врага, то все старания полетят в топку.

Коммунист — сознательный сторонник диктатуры пролетариата, которая в определённых исторических условиях может быть реализована через главенствующее положение одной партии в обществе, — является самым последовательным демократом. Ведь построение полноценной рабочей демократии, в рамках которой каждый член общества сможет максимально последовательно реализовывать свои интересы через политические механизмы диктатуры пролетариата, возможно только через длительный период диктатуры передовых представителей рабочего класса. Это и есть то самое марксистское положение о постепенном отмирании государства при реализации коммунизма на практике — и да, это отмирание таким образом возможно лишь при максимальном усилении государства, которое является лишь инструментом партии по реализации коммунистической политики. По мере роста сознательности масс, по мере улучшения материально-технических возможностей общества всё большее количество людей будет вступать в партию (без потери качества партийных кадров), и таким образом партия будет становиться не частью общества, а самим обществом, теряя свою партийную сущность и становясь сосредоточием всего общества. Этот диалектический процесс необходимо усвоить, для того чтобы понять, как именно реализовать коммунизм, как именно марксизм отвечает на ключевой вопрос развития в принципиально новых условиях.

Этот процесс может осуществляться параллельно с ростом влияния низовых Советов как органов управления. Понятно, что усиление партии несёт в себе риски, поэтому низовая «подстраховка» попросту необходима. Так ведь в конечном счёте будет производиться и отмирание государства для перехода к полноценному коммунизму — без этих процессов просто никуда. Критики марксизма часто указывают на это противоречие в теории, которое кажется им неразрешимым. Практика построения коммунизма показывает, что государство планомерно укрепляется через усиление контроля над экономикой и обществом. Полный коммунизм возможен лишь при ликвидации государства как инструмента классового угнетения. Но, по теории, выходит, что произойти это должно в момент максимальной силы государства, что кажется нелогичным. На самом деле этот вопрос действительно сложнее, чем кажется. Государство - это аппарат правящего класса, и очень большую роль в этом государстве играет

партия в рамках социалистического строя. Если правящий класс в этом государстве - пролетариат, то укрепление государства усиливает самих пролетариев как класс, и партию как генеральный штаб. Соответственно, пролетариат, как и партия, максимально контролирует все общественно важные процессы. Так класс достигает такой конфигурации, что каждый сознательный индивид имеет влияние на эти процессы, работает в партии, и из-за этого партия становится не нужна, как и государство (при условии, если общество избавилось от буржуазной угрозы и направляет все силы на дальнейшее покорение природы).

В рамках социалистического государства реализуется диктатура пролетариата, то есть создаётся система, при которой рабочий класс забирает себе все основные рычаги воздействия на общественно-политические процессы. Даже при наличии в рамках общества других классов или классовых прослоек их мнение по тем или иным ключевым вопросам, фактически, становится глубоко второстепенным, а основной приоритет отдаётся именно рабочему классу.

Коммунистическая партия представляет собой кристаллизованную коммунистическую тенденцию, которая выражается в подготовленных кадрах, то есть в обученных, теоретически и практически подкованных борцах, которые чётко понимают, какой мир существует в данный момент времени и какими средствами и методами можно прийти к тому миру, к которому стремится рабочий класс (даже если большая его часть не осознаёт этого в полной мере). Соответственно, реализовывать диктатуру пролетариата непосредственно через весь пролетариат - значит отдать рычаги управления обществом людям, которые частично несут в своём индивидуальном сознании и в своей индивидуальной практике отпечатки старого буржуазного мира, представляют себе мир идеалистическим, слабо разбираются в основных тенденциях развития. Пролетарий далеко не всегда осознаёт свои классовые интересы, и даже в борьбе за социализм подчас может делать что-то из безысходности, а не из глубокой теоретической и практической убеждённости. Так что пойти по пути полнейшего и абсолютного демократизма сразу после взятия пролетариатом власти - значит поставить всё течение революции на волю случая. Порой для развития нужны те силы, которые возьмут реакцию — внешнюю или внутреннюю — за ноздри и поведут общество в верном направлении. Для этого нужна партия, которая и становится центральным пунктом управления обществом, подчиняя себе государство как инструмент и сугубо функциональную вещь, играющую в этот момент времени подчинённую роль по отношению к партии и её съездам.

В этом взаимодействии и таится ключ для перехода к коммунистическому обществу. Поступить каждому гражданину на государственную службу никак нельзя, но вступить каждому гражданину в коммунистическую партию вполне реально. А если партия становится центральным пунктом управления обществом, то через постепенное включение в партию всё более и более широких масс населения рано или поздно она станет не просто авангардом пролетариата, но самым что ни на есть выражением пролетариата как такового. После взятия власти пролетариатом коммунистическая партия контролирует общественно-

экономические процессы; затем её задачей становится поднятие общего народного уровня понимания марксизма до такой степени, чтобы примеры Ленина или Сталина стали массовым явлением. Незачем надеяться на великих вождей, если каждый получает с младых ногтей такую теоретическую и практическую подготовку, чтобы быть готовым в случае чего самому стать таким вождём.

Как это может быть реализовано? Опять-таки через нарастание государственного контроля по разным направлениям общества. Государство становится лишь функцией в руках пролетариата, функцией партии. Через эту функцию партия обязана выстраивать общество, политику, культуру, образование, чтобы каждый был достаточно подготовлен к управлению обществом в самом широком смысле слова. Итогом такой подготовки может быть обязательный экзамен на вступление в партию — многоуровневое испытание, которое будет включать в себя оценки знаний и всех прошлых заслуг человека, его рекомендации, оценки с мест работы и учёбы, общественную активность и прочие факторы. Вступление в партию не должно быть формальностью — это должна быть высочайшая ответственность, сопряжённая с напряжённой работой по партийной линии, которая с течением времени всё больше будет подменять собой государственные структуры управления. Таким образом, при сохранении суровых критериев отбора, в партию будет влияться всё большее и большее количество людей, что позволит перейти к отмиранию государственных структур и растворению их в структурах партийных, но доступных всем.

Для тех же людей, которые не смогут сдать такой экзамен и вступить в партию, следует предоставить все возможности для улучшения своих знаний и практических навыков для повторных попыток. Покуда они не находятся в рядах партии, они не смогут напрямую принимать участие в управлении общественными процессами. Они сохранят все социальные гарантии социалистического государства, но потеряют на время часть управлеченских политических прав.

Также в рамках такой широкой партии должна осуществляться регулярная ревизия знаний, переэкзаменовка раз в 5-8 лет, которая не должна представлять собой формальный теоретический тест, но должна включать конкретные действия человека по улучшению общества. Все эти конкретные механизмы лишь привязаны к конкретным же историческим и политэкономическим условиям: сегодня мы можем лишь общими чертами предположить, как это может быть реализовано. С ростом осознанности общества, с достижением научной и методологической зрелости в суждениях и мышлении можно будет постепенно перейти к системе без власти и без государства как такового. Несмотря на то, что мы не знаем, как именно нужно будет решать эти проблемы, мы знаем, что эти проблемы встанут перед партией, и само это понимание заставляет нас задуматься о том, как именно строить партию с прицелом на решение этих задач. Это отличает нас коренным образом от партий 19-начала 20 века, которые строились, исходя из идеи политического взятия власти, за которым сразу бы последовал всемирный коммунизм. Мы знаем, что всемирного

коммунизма сразу не будет, и потому нам придется корректировать стратегию и тактику построения партии и дальнейших действий. И вот тут для всех марксистов открывается широчайшее поле для дискуссии, которую призвана начать эта брошюра.

В этом отношении современная степень развития информационных технологий играет на руку коммунистам. Благодаря интернету можно ввести весьма большое количество инструментов по низовому контролю над вышестоящими инстанциями. Они же позволяют, например, перейти к реализации «многослойной демократии», где ряд вопросов поначалу будет вынесен на обсуждение и реализацию лишь некоторой части самых активных и доверенных членов общества, вопросы же менее приоритетного характера могут быть предоставлены в ведение более широких слоёв на ежедневной основе. Но конкретные методы реализации политики партии после взятия власти — повод для конкретных обсуждений и отдельных теоретических работ.

Важно понять, что современная партия должна быть не просто партией ленинского типа — она должна учитывать те изменения, что произошли в мире за последние 100 лет. Она должна стать одновременно и крепостью, и университетом, она должна, имея то самое теоретическое ядро, которое будет отвечать на оперативные вопросы, в то же время иметь быструю низовую связь. В конечном счёте воспитание партийных кадров — есть первейшая задача современной партии. Движение к коммунизму принципиально отличается от движения в рамках смены других общественно-экономических формаций. Сначала должна быть произведена значительная реорганизация социума, а делается это благодаря борьбе за общественное сознание, субъектом в которой выступает партия. Выиграна же эта борьба может быть только при условии определённой социальной структуры, которая всё сильнее проступает по мере развала системы ультраимпериализма.

Благодаря опыту СССР мы знаем, что главная угроза — не внешняя контрреволюция, а внутреннее вырождение партийного аппарата в новую бюрократию. Без преодоления этого любые мероприятия коммунистов по преобразованию общества обернутся крахом — транснациональные корпорации смогут воспользоваться слабостью системы и подорвать всё изнутри, особенно используя перевес в информационных технологиях.

Однако суть не в технологиях, а в диалектике перехода от диктатуры авангарда к народовластию. Ультраимпериализм создал парадокс: его глобальные цепочки, конечно, уязвимы для точечных ударов, но его цифровая гегемония разъедает классовое сознание. Поэтому партия должна быть одновременно щитом и лабораторией: её задача — возвращать теоретическое ядро и повышать образованность населения, помогать ему овладеть материалистической диалектикой. Цель — не вечная монополия на власть со стороны партии, а создание системы, где Советы, пусть и перемещённые в рамки цифрового пространства, постепенно заменяют аппарат, а нейросети народного контроля становятся иммунитетом против бюрократии. Да, эти нейросети сперва должны быть достаточно развиты и поставлены на службу народу. Благодаря доступу к

информации, они могут быть своеобразным окном во все основные политэкономические процессы общества, давать каждому гражданину возможность в режиме реального времени отслеживать основные тенденции, влиять на них и оставлять свои мысли и соображения по тому или иному поводу. Это может быть что-то похожее на систему ОГАС, которую планировали ввести на производствах СССР. Каждый индивид через смартфон может быть подключён к единой сети, где циркулируют информационные потоки о развитии общества. Таким образом, манипулировать данными или скрывать их становится практически невозможно. Сбой в работе программы или намеренные попытки внести злонамеренные корректизы сразу будут заметны всем. Когда каждый пролетарий станет своеобразным «хакером капитализма», партия растворится в цифровых Советах, став кодом новой свободы.

Проблема бюрократии

Всякая коммунистическая партия ленинского типа, особенно при взятии политической власти, сталкивается с проблемой бюрократизации. Ведь партия пролетариата, с точки зрения марксистской науки, это не просто представительство класса — это авангард класса, который ставит своей задачей поднятие всего класса до уровня авангарда в плане теоретической и практической подготовки. Только через этот процесс можно преодолеть оставшиеся мещанские и мелкобуржуазные элементы в общественном сознании и окончательно нивелировать возможность внутренней реакции.

Соответственно, коммунистическая партия вступает в крайне сложные взаимоотношения с государственным аппаратом, подчиняя государство как функцию пролетарскому авангарду. Такое положение заставляет партию бюрократизироваться. Бюрократия представляет собой особую прослойку, которая, будучи оторванной от общества, управляет техническими процессами его существования и воспроизводства. Это люди, окружённые горами бумаг, отчётов и статистики, но лишённые реальной рабочей практики.

Бюрократия возникает в государстве и в коммунистической партии. Это особая форма осуществления диктатуры пролетариата, инструмент для формализации процессов управления, упрощения их и создания более понятных и доступных инструментов воздействия на политику и экономику в рамках общества. Можно сказать, что определённый процент бюрократии будет существовать до тех пор, пока существует государство как инструмент управления обществом. Бюрократия исчезнет только тогда, когда государство полностью отомрёт, то есть когда будет достигнут коммунизм, и рабочие будут напрямую управлять обществом в экономической и политической сферах.

Однако положение бюрократа обязывает разрабатывать стандартные и предсказуемые планы действий. Хороший бюрократ — это тот, кто может чётко выполнить поставленную задачу, то есть функционер. Поэтому положение бюрократа обязывает его превращать свою работу в функционерство. Любая

инициатива, любые попытки пойти против строго установленных правил и систем могут привести к невыполнению задачи и, как следствие, к проблемам для бюрократа, которые автоматически перейдут на его начальника и на начальника его начальника, что в конечном итоге приведёт к понижению или вовсе увольнению бюрократа.

Таким образом бюрократы становятся главными бенефициарами консервации общества. Занимая важные роли в партии и государстве, они нацелены на консервацию, на сохранение системы в старых рамках, что автоматически делает их препятствием на пути дальнейшего революционного преобразования общества; бюрократу тяжело работать в условиях постоянных изменений. Именно эта проблема в конечном счёте погубила СССР и с этой же проблемой сегодня борется КНР, где группа во главе с Си Цзиньпином стремится революционизировать КПК для дальнейшего движения к коммунизму.

Единственное средство от бюрократизации как консервативной тенденции — регулярная смена кадров, циркуляция в рамках системы, которая не позволит сформироваться бюрократическим кланам. Не должно быть ситуации, как с Анастасом Микояном — от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича, — когда один и тот же человек находится в управлении партией на протяжении почти 50 лет.

Однако из-за объективных угроз, которые возникают перед лицом коммунистической партии и социалистического государства, сохранение одних и тех же лиц на руководящих постах долгое время иногда является необходимостью. Порой некоторые исторические задачи, как, например, индустриализация СССР и подготовка к войне, либо же чрезвычайное внешнее давление, которое может усиливаться внутренними склоками и привести к развалу государства, заставляет таких лидеров, как Сталин или династия Кимов, брать на себя историческую ответственность и реализовывать проекты, которые выходят за рамки целых десятилетий. Менять штурмана в период бури, которая может потопить корабль, — весьма опасная затея, хотя при этом, конечно, штурман не всегда может быть прав и даже может прямо ошибаться по отдельным вопросам. Именно поэтому любой вождь всегда должен быть подчинён самой партии через регулярные съезды, отчёты и пленумы, доступ к которым должен осуществляться с самого низа и до самого верха. Максимально допустимая открытость власти перед партией как авангардом общества должна стать императивом. Конечно, такая открытость также наталкивается на объективные препяды в лице того, что делиться в открытую всей подноготной партии и государства на всеобщее обозрение слишком рискованно ввиду существования буржуазных государств, которые способны воспользоваться этой информацией в своих целях. Поэтому партии следует определить, как именно будет реализовываться доступ партийных работников ко всей полноте информации и как именно не допустить утечек информации. В этом плане система Рабкрина, модифицированная с учётом современных технологий, может стать отличным инструментом в руках рядовых членов партии для регулярного и внепланового контроля над деятельностью высших слоёв управления обществом.

Без этих подходов партия закостенеет, бюрократия почтует безнаказанность и в определённый момент узурпирует рычаги управления партией и государством. И как только это происходит, останавливается сознательная программа по поднятию среднего теоретического и практического уровня рабочего класса до вершин научного материализма, до вершин марксизма. Бюрократии невыгодно поднимать общий уровень сознательности масс, потому что в таком случае роль бюрократии будет снижаться: всё больше людей будет вступать в партию, имея чёткое представление о том, куда и как вести общество. Это — то слабое место коммунистических партий, которое необходимо иметь ввиду при построении следующего политического авангарда пролетариата, изначально следует заложить те механизмы, которые позволяют осуществлять ротацию кадров и низовой контроль в максимально доступной мере. Ну и, конечно же, продумать механизмы, которые не позволят врагам прогресса воспользоваться низовым контролем.

В контексте всего выше сказанного партийное строительство становится ещё более актуальным вопросом. Но нужно учесть, что с большой долей вероятности победа социализма вновь будет достигнута в отдельно взятом государстве или регионе. Мир ультраимпериализма распадается на обособленные блоки, которые всё более оформляются сегодня, потому и рассчитывать на одномоментные глобальные преобразования не приходится. Следует, что называется, «на берегу» разобрать ряд вопросов, которые могут встать перед коммунистами при взятии власти в отдельном государстве, ведь тогда буржуазный мир вновь объединится против «красной угрозы», что приведёт к становлению ультраимпериализма как специфической формы реакции буржуазного мира на попытку его обрушить. Поэтому не лишним будет сразу наметить стратегический план по вопросу внутренней организации такой социалистической партии, её внутреннего развития в контексте нового потенциального становления ультраимпериализма.

Как переустроить подготовку кадров

Век колоссального информационного переполнения негативно сказался на всяком обучении и всякой теории познания как таковых. Сегодня представляется практически невозможным самостоятельно разобраться в сложнейших вопросах современности, потому как информационных коридоров, которые позволяют подойти к той или иной проблеме, взглянуть на неё и получить те или иные ответы, слишком много. Великие завоевания наших предков на полях классовой борьбы привели, с одной стороны, к пролетаризации знания, что есть несомненный прогресс, но при этом сильно усложнилось дело освоения новых качественных знаний из-за увеличения количества информации и информационных технологий.

Благородные науки или философские знания — всё это ранее было уделом привилегированных слоёв общества. Высшие классы хранили знания как методику сохранения власти, но век социального прогресса сделал знание доступным. Сегодня, чисто в теории, любой может получить образование, изучать науки, публиковать свои исследования. Развитие социальных сетей позволяет высказаться каждому, за счёт чего мнение обывателей и мнение экспертов уравниваются по степени влияния на общество, так как представителей первой категории больше и они популярнее.

Конечно, мнение обывателя может быть весьма стройным и верным, но порой отличить мнение обывателя от мнения дилетанта крайне сложно. Так, в вопросах истории верят публицистам, а не историкам, в вопросах биологии или физики — мракобесам, в вопросах философии и теории познания — спиритуалистам и идеалистам, а в вопросах марксизма — иноагенту Рудому и прочим левым. Даже титул эксперта не всегда говорит о гарантии качества тех или иных теоретических построений.

Это весьма крупная проблема нашего общества, которая возникла оттого, что столь широкий доступ к информации и возможность её генерировать для всеобщего доступа — это фактически коммунистический подход к информации, в то время как из-за поражения социалистического лагеря мы всё ещё находимся на предыдущей ступени развития. При коммунизме пролетаризация наук, искусства и других ранее элитарных областей человеческой деятельности позволила бы принципиально новому человеку — человеку коммунистической эпохи — самовыражаться, заострять свою индивидуальность и тем самым приносить пользу всему коммунистическому обществу. Сегодня же эти технологии используются для заработка, ведь мерилом успеха для хомо-капиталистуса является прибыль.

Потому вопрос партийного строительства стоит ещё острее. До тех пор мы будем иметь лишь ансамбль мнений, которые конкурируют друг с другом за аудиторию на вполне рыночной основе. Собственно, такой мир леволибералы в конечном счёте и продуцируют своей поразительной неспособностью объединяться в хоть сколько-то цельную структуру.

Именно поэтому любые лозунги о сиюминутной борьбе изначально идеалистичны. Это призыв идти в атаку, не понимая, где находится войско, с кем оно борется, кто стоит в его главе. Это революционный романтизм и глупость. Именно поэтому, как мы и писали в других работах, сегодня настоящие коммунисты находятся, скорее, в положении группы «Освобождение труда» — нам лишь предстоит расчистить площадку под развитие марксистской мысли, на которой прорастут первые относительно массовые действительно марксистские организации.

Как же нам выйти из информационного левого пузыря, который поглотил значительную часть политически неравнодушных людей? Ведь если они — леволибералы — долгое время были фактически монополистами в левой и около марксистской среде, то большое количество потенциальных марксистов попали

в жернова их информационных потоков и были перемолоты в самых что ни на есть левых акционеров, идеалистов-романтиков?

На самом деле тут нам поможет диалектика истории. Леволибералы уже проиграли. Сегодня их бледненькие попытки изображать бурную деятельность со своими «фондами», «релокациями», «возрождениями интернационалов» это лишь желание выжать последние средства из доверчивой аудитории на безбедную старость. Они проиграли в тот момент, когда идущая за ними аудитория не получила от них никакого внятного ответа на актуальные вопросы дня, когда они, как страусы, спрятали головы в песок от необходимости действительно применять марксистский метод, а не рассказывать всем вокруг, как они умеют его гениально употребить.

В этом начало той информационной гигиены, которая должна быть привита в рамках всего прогрессивного движения: нам необходима чёткая, структурированная ретроспектива последних 10-15 лет левого движения в нашей стране и мире. Огромное количество персонажей уже разрушили свою репутацию и их продолжает почитать лишь тот, кто находится в информационной пузьре, созданном самими леволибералами. Но последующие поколения пришедших в марксистское движение должны получить наиболее объёмное понимание о таких персонажах, об их реальной политической и идеологической ориентации, об их личных качествах. Они должны стать коллективным Парвусом, с которым нельзя работать и искать контакты — создание им такого образа есть первая важнейшая обязанность тех марксистов, что придут на пепелище информационного левого пространства в скором времени.

Второй немаловажной задачей станет создание сети кружков по обучению марксизму. Теперь у нас есть явный пример того, как делать не надо. Люди в кружках, по типу «Союза Марксистов», собирались на 2-3-месячные курсы, заучивали коренные вопросы политэкономии, ничего толком не понимали, а после этого принимались в организацию, погружались в омут неорганизованной, а зачастую бесполезной работы и выгорали — всё это путь в никуда. Попросту скопированный с кружков начала 20 века метод обучения марксизму сегодня не годится. Тогда сама история кипела под ногами, тогда было понятно, что решающие битвы за коммунизм развернутся уже вот-вот. Такая ситуация и требовала незамедлительного обучения рабочих базовым принципам марксистской политэкономии, потому как иначе поднять массы на большое дело здесь и сейчас было нельзя. Во многом такой подход и предопределил будущие проблемы в строительстве социализма. Сегодня, как это ни странно, мы находимся во многом в более лучших условиях, чем тогда.

Объективный анализ окружающей реальности, который мы общими мазками дали в работе об ультраимпериализме, показывает, что до решающих битв ещё далеко. У нас есть время не просто быстро вбросить в головы желающих базовые политэкономические категории, но действительно глубоко и полно обозначить суть марксизма как целостного мировоззрения, отнюдь не привязанного только к вопросам экономики и классовой борьбы. Марксизм — наука о всеобщих законах развития материи (диалектический материализм) и метод познания

(материалистическая диалектика). Этот метод применяется для анализа конкретных форм движения материи (природа, общество, мышление) с целью выявления их внутренних противоречий и сознательного преобразования в направлении прогрессивного развития, которое определяется ростом функциональных связей общественной структурной единицы. Его выводы в политике и экономике есть лишь частный случай этой науки, и только осознав данное положение, только усвоив его, можно действительно понимать, кто мы, куда и зачем идём. В этом смысле предстоит ориентироваться отнюдь не на большевиков 20 века, а на первых марксистов, которые разъясняли не только конкретные выводы марксизма, но и его базовые категории в интеллектуальном и публичном пространстве, расчищали поле для развития марксистской мысли. Ориентир - это, скорее, «Освобождение труда» времён второй половины 19 века, а не РСДРП начала 20. Это горько осознавать некоторым горячим головам, которые уже видят себя членами парламентов и Совнаркомов в перспективе 5-10 лет.

Такое обучение марксизму предполагает перелопачивание всей системы подготовки, где тот же «Капитал» с его политэкономическими категориями - это отнюдь не начало обучения, а как минимум его середина. Однако это и не означает необходимость начинать с той же «Науки логики» Гегеля. Требуется подготовить материалы, погружающие человека в марксизм как целостное мировоззрение, как науку про обобщённые принципы развития всякой материи и метод анализа реальности. Если плехановцы из «Освобождения труда» вели такую работу в рамках полемики с устоявшимися тогда идеалистическими воззрениями (см. дискуссию Плеханова и Михайловского в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), то сегодня нам предстоит выстраивать такой курс с азов. Интеллектуалы 19 века обращались к таким же интеллектуалам, это были дискуссии, за которыми следили так или иначе только сотни или в крайнем случае тысячи человек. Наша же задача сделать подробное изложение марксизма понятным и доступным для миллионов, а это задача куда труднее, чем кажется, ведь достойных доступных материалов на этот счёт не так много.

Естественно, параллельно с этим следует всячески поощрять и участвовать в низовой деятельности, которая направлена на расширение и укрепление горизонтальных связей. Практика, которая заставит человека выйти из его кокона, взаимодействовать с людьми и их проблемами, либо же просто приведёт к социализации — есть большое благо. Диктат неолиберализма, несмотря на то что он спадает, нанёс колossalную травму всему человечеству. Атомизация достигает пиковых значений. Люди прячутся в социальных сетях, в общении с нейросетями и теряют связь с действительным человечеством. Любые активности, будь то клубы по интересам (книжные кинематографические, игровые) или общие дела, по типу фестивалей, субботников, сборов помощи пострадавшим в том или ином регионе от того или иного происшествия, — всё это ломает атомизацию. В это смысле те же жожеки (культурное объединение творческих личностей, которые частично базируют свою деятельность на

марксистских принципах), которых леволибералы критикуют, делают гораздо больше для подлинного возрождения социалистической тенденции в обществе, чем сами леволибералы, несмотря на то, что жожеки — это объединение культурного толка, в то время как леволибералы позиционируют себя политической силой.

В конечном счёте сами кружки, равно как и подобные мероприятия или клубы по интересам, должны перестать восприниматься как быстрый трамплин в практику. Повторимся — сегодня другое время; сегодня от марксистов не требуется подготовиться пару сотен тысяч кадров для работы «в поле» в короткий срок. Не потому что это не нужно, а потому что это невозможно. Кружок должен стать сосредоточием людей, которые искренне пытаются разобраться в сложностях марксистской науки, овладеть её методологией и начать самостоятельно пользоваться ей для изучения мира, выработки адекватных стратегий и подходов к реальности для её изменения. Это не святилище, где великий гуру делится знаниями с неофитами, дабы отправить их в священный поход, а научная лаборатория, где поднимаются все те вопросы, которые способны толкнуть вперёд науку, поле для дискуссий и исследований, для написания собственных работ и их продвижения. Конечно, в перспективе такой кружок должен быть нацелен на соединение с практикой, но опять таки, эта практика должна быть выведена в рамках марксистской логики, в рамках грамотного и многогранного исследования окружающей реальности, иначе эта практика превращается в голый акционизм, которым занимаются левые, но не марксисты.

В целом, это тоже довольно важная задача, которая стоит перед марксистами текущего поколение, — порвать наконец устойчивую ассоциацию, которая уравнивает марксистов и левых. «Левые» — понятие широкое, неоднородное, во многом устаревшее, равно как и понятие «правые». Марксист — это не тот человек, который разделяет некие общие для аморфного движения «ценности и принципы» и соотносит свои действия и высказывания с этим набором идеалистической чепухи. Марксист — это человек, работающий в рамках марксистской методологии, развивающий марксистскую науку. Марксистская наука сложна, она работает с актуальной реальностью, в её рамках тяжело сформулировать раз и навсегда данные формулы, потому как эта наука максимально антиформулярна. Пытаться увязать марксистов с общим набором идеалистическим принципов, типа «радикальной демократии», «свободы слова», «инклузивности», «гуманизма» и прочими малосодержательными понятиями — значит ставить науку в подчинение идеологии. Это то же Средневековье с тем же диктатом инквизиции над реальным научным знанием. Если текущая реальность требует от марксиста того или иного действия или бездействия, и это решение есть результат применения марксистского метода во всей его полноте — значит марксист поступает или не поступает так или иначе. Если марксистский анализ показывает прогрессивность многих современных буржуазно-националистических движений, которые разламывают ультраимпериализм и позволяют в будущем начать действовать на поднятие социалистической

альтернативы — марксист учтёт это в своих рассуждениях и в своей практике. Он не будет строго следовать за стародавними примерами применения марксизма, которые осуществлялись в принципиально иной эпохе, но будет использовать те или иные выводы для текущего анализа, корректируя, дополняя, выявляя относительные истины и отбрасывая абсолютные заблуждения. Наука первична — идеалистические истерики оставьте левым.

Итог: перед марксистами текущего поколения стоит 3 задача. Первое — структурировано покончить с теми левыми, которые оказались во главе движения. Будущие поколения должны чётко осознавать, какой путь ведёт в пропасть и с какими людьми нельзя сотрудничать не при каких обстоятельствах. Второй задачей является переосмысление кружков и их функций с ориентиром на полноценное овладение марксизмом как мировоззрением и как наукой, а не как набором готовых политэкономических штампов, быстро кующих из малограмотных рабочих завтрашних бойцов по мановению волшебной палочки. Сегодня другая эпоха: хватит равняться на 20 век, пора открывать глаза и смотреть ими в неприглядную реальность. Нам нужны горизонтальные связи и кружки как лаборатории мысли. Марксизм сегодня в паршивом положении и только мы, современное поколение, отказавшееся от леволиберальных нарративов, можем его реанимировать и развить. И третья задача — разорвать категории «марксизма» и «левизны», что и должно быть сделано на базе новых кружков. Мы не присягали абстрактной левизне на верность, мы не подписывались под её священными писаниями об инклюзивности и под её рассказами про меньшинства. Марксист — учёный, левый — религиозный фанатик от мира политики; и эту черту мы должны провести чётко. Последнее требует отдельного материала.

Какие пути не приведут к успеху

Стоит сразу на корню обрубить тот путь, который для современных марксистов неприемлем, но который набирает популярность в левой среде. Амбассадором этого пути можно назвать иноагента Андрея Рудого и его идеологических союзников. Это путь тактического союза с либеральными силами, который те продвигают весьма активно, начиная с 2022 года. В связи с этим он написал статью «Демократия безгранична и красная. Мы должны быть большими демократами, чем либералы».

Первый вопрос, который можно обратить уже к самому названию статьи, — кто мы, те «левые», что должны бороться за эту самую демократию? Левые, равно как и марксисты, сегодня — аморфная масса без организации, без чёткой структуры, и уже на этом уровне говорить о какой-то организованной борьбе глупо. И ответственность за это лежит в том числе на таких деятелях, как Рудой, которые, имея реальный публичный ресурс, не смогли конвертировать его в централизованную организацию, хотя все возможности для этого были. Оказавшись практически в тепличных условиях «левого просвещения» в

интернет-пространстве во второй половине 2010-х годов этот господин и его соратники могли спокойно обучать людей, воспитывать из них настоящих марксистов, которые стали бы ядром будущей политической организации. Но вместо этого ставка была сделана на количество, а не на качество, на широколевую организацию, типа «Союза Марксистов», которая не справилась с задачами времени и довольно быстро развалилась. Оно и неудивительно — чтобы действительно научить марксистскому методу, следует освоить его самому, но небезызвестный леволиберал и его товарищи даже близко не подступились к нему, и вместо настоящих марксистов они плодили ходячие сборники цитат и красных попугаев. Разбор всей статьи вы можете посмотреть по ссылке — <https://www.youtube.com/watch?v=vK38t3GDrQQ>. Здесь же остановимся на нескольких моментах. Для удобства цитаты автора выделены курсивом.

«Демократия в организации или государственных структурах повышает их устойчивость, спасает от произвола и далее по списку», - это идеализм. Рудой игнорирует явления современного миропорядка, в рамках которого «широкая демократизация» есть лишь слом препоны для транснациональных монополистических групп на пути к власти. Капитал отработал механизмы «забрасывания» своих людей во власть государств, и в рамках той самой буржуазной демократии побеждает тот, кто вложит больше денег в раскрутку. А больше всего денег априори имеют транснациональные корпорации.

«Но, когда мы говорим о буржуазной демократии, нужно понимать несколько важных вещей. Во-первых, она плоха не потому что она демократия, а потому что она буржуазная. То есть, она является системой, в которой классовая структура капиталистического общества искаляет, сокращает или нередко превращает в фикцию даже декларируемые законами права и свободы». Буржуазная демократия изначально является демократией для буржуазии, ведь ключевое понятие буржуазной демократии - это защита собственности. Разница лишь в том, что сегодня собственностью обладает куда больше людей, чем в том же 19 веке, потому буржуазная демократия даже в низах воспринимается нормально.

«В-третьих, даже развитие несовершенной буржуазной демократии является продуктом не только деятельности буржуазного слоя, но и борьбы широких народных масс. Продуктом борьбы, который в известной степени улучшает положение трудового народа и его организаций», - когда буржуазии нужно опереться на пролетариат, дабы закрепить свою власть, она действительно идёт на некоторые уступки пролетариату. Когда власть буржуазией взята, все уступки постепенно отменяются. И то, это практика времён борьбы капитализма с феодализмом и социализмом. Сегодня же буржуазные свободы пролетариату не дают вообще ничего — это видно на примере Европы и Америки. На словах они более свободные, на деле там проводят куда более жёсткую борьбу с любым реальным сопротивлением диктату капитала, чем во многих «авторитарных государствах». Стоит вспомнить хотя бы бесконечные забастовки и митинги «жёлтых жилетов», которые не привели ни к чему. Просто господа леволибералы

смотрят на саму возможность «спокойно» выйти на улицы под флагами и считают это прогрессивным. Они не понимают: когда политическая потенция той или иной акции становится действительно опасной для диктата транснациональных монополий, эти акции сразу предотвращаются, в то время как локальные вопросы действительно могут быть разрешены через такую низовую активность, выступающую в качестве громоотвода для разъярённой толпы. Европа и США активно катятся к разным формам фашизма — и всё это в том числе результат тех «свобод», которые царствовали и частично продолжают царствовать там сегодня.

«Хочу особо отметить, что классики марксизма видели прогрессивное будущее человечества именно в формах радикальной демократии. Они считали, что невозможно подлинное равенство и превращение народных масс в активный и осознанный субъект исторических процессов без демократизации системы», - извращение марксизма, непонимание его. Классики марксизма видели необходимость в поднятии народных масс на уровень полноценного субъекта истории и только после этого предоставление им широчайших прав. Для этого нужна партия — авангард пролетариата, — которая и будет руководить обществом, пока то вымывает из себя остатки буржуазного мышления. Если пойти по пути максимальной демократизации общества сразу, то масса мелкой буржуазии, неосознанных пролетариев и люмпен-пролетариев, обманутая остатками национальной буржуазии или представителями транснациональной буржуазии, попросту свернут весь социалистический проект.

«Свобода слова - это сугубо свобода во благо буржуазии? Кажется, в ситуации развития интернет-технологий данный тезис всё менее и менее корректен. А свобода собраний - это чисто буржуазная свобода? Кажется, нет. Свобода деятельности профсоюзов - буржуазна? Мы можем сколько угодно клеймить тред-юнионизм, но данная свобода служит, в первую очередь, трудящимся массам и достигается их борьбой», - очень много про «свободу» и не слова о том, что это такое в сущности. Можно прописать сколько угодно свобод и для кого угодно, но кто будет следить за исполнением этих свобод, чем они будут материально обеспечены? В современной России тоже весьма много свобод, коей россияне не пользуются по ряду причин. РФ имеет действительно сильное профсоюзное законодательство, и роль профсоюзов в России де-юре может быть весьма большой. Но для того чтобы профсоюзы работали, нужна низовая активность (которой сегодня почти не наблюдается) — люди на местах должны быть в этом заинтересованы, должны продвигать профсоюзные инициативы. Практика показывает, что при таком подходе профсоюзы действительно превращаются в серьёзный инструмент рабочего контроля на местах — примеры тому есть в истории современной России. Можно вспомнить хотя бы докеров Санкт-Петербурга, которые смогли заключить коллективный договор, о чём неоднократно рассказывал Михаил Попов. Леволибералы же борются за то, чтобы больше свобод было прописано в бумажке, но в бумажке можно прописать многое — суть марксистской борьбы не в этом.

«Социалистические режимы 20 века формировались в экстремальных условиях

и, несмотря на наличие низовых демократических движений, они зачастую принимали жёстко авторитарные формы. Сворачивание или ограничение базовых демократических прав, таких как право на свободу слова, печати, собраний, объединений, казалось даже для самих революционеров временным и необходимым для наведения порядка отклонением от нормы». Во-первых, а следующие социалистические режимы будут формироваться в лабораторных стерильных условиях? Во-вторых, сворачивание буржуазных прав и свобод было абсолютным, когда это стало возможно, во время чего прорастали свободы социалистические. Если во имя поддержания и защиты социализма необходимо ограничить «свободу слова», «свободу печати» и другие вещи, которые сами по себе абстрактны, то значит коммунисты идут на это, потому что всегда нужен конкретный анализ конкретной ситуации.

«Однако ещё большую роль в распространении подобного рода представлений о “правильном социализме”, на мой взгляд, здесь сыграли Перестройка и 90-е годы. Гласность обернулась лавиной антисоветской пропаганды, отвернув от идей социализма десятки миллионов людей. Политическая демократизация, какказалось, обернулась гибелью советского государства. Более того, именно люди, называвшие себя демократами и выдвигавшие демократические, казалось бы, лозунги, приватизировали в итоге власть, совершили антиконституционный переворот 1993 года, фальсифицировали выборы 1996 года, а затем в конце 1999-го устроили процедуру передачи престола», - всё это есть лишь конкретный пример того, как транснациональные корпорации воспользовались максимальной буржуазной демократизацией. И сегодня Рудой вдруг выступает за тот же сценарий. Путинская Россия при всех своих недостатках, пусть и под давлением западных «партнёров», всё-таки позволила политическим управленцам осознать гибельность пути неолиберальной глобализации, хоть и через ряд позоров и провалов; сегодня Россия уходит от этого пути разложения. Рудой, осознанно или нет, предлагает вернуться к такой демократии, быть поглощёнными транснациональными корпорациями и их сателлитами, но он получит лишь новых неолиберальных фашистов, типа Ельцина. Последний тоже был «главным демократом на деревне», пока не взял власть и не расстрелял Парламент. С чего отец российской демократии взял, что абстрактные, аморфные, не опирающиеся на реальное движение «левые» или «марксисты» смогут остановить такого нового Ельцина, иноагента Козырева или Новодворскую, которые при этом будут вооружены и поддержаны извне, — загадка.

«Однако каждый, кто читал учебник по логике и детально изучал процессы развала СССР, скажет, что винить демократизацию в распаде страны - большая глупость», - хотелось бы спросить, учебник какой логики, но да ладно. Причины развала СССР глубже, но конкретные формы распада стали таковыми именно из-за демократизации, которая наложилась на потерю власти и авторитета партии. Горбачёв, вторя Андропову, шёл по пути снижения роли центральной власти и повышения роли местных ячеек, продолжая логику реформы Косыгина-Либермана, которая также повышала экономическую

независимость в регионах, и когда этот процесс политической децентрализации (читай, демократизации по Рудому) столкнулся с вызовами, а именно с тем, что страну начали разрывать изнутри, в отсутствие сильной партии всё рухнуло. Так что да, особа, приближенная к французскому императору, именно демократизация и погубила СССР в конкретных исторических обстоятельствах: единственное, что могло спасти государство в тот момент, это жёсткая централизация, широкая чистка партийного и государственного аппарата, которую, к сожалению, провести было некому.

«Многотысячные митинги на Красной площади у Мавзолея Ленина каждое воскресенье - это реальность первой половины 90-х. И да - я могу сколько угодно иронизировать над левой политикой того времени (мне она, признаюсь, не очень симпатична), но есть один важный факт: она была. И была она не в последнюю очередь благодаря ужасной и несовершенной ельцинской “дерзмократии”», - опять идеализм. Те или иные широкие политические движения существуют, не потому что в какой-то священной книжке задекларированы какие-то свободы, а потому что широкие народные массы столкнулись с натуральным геноцидом на фоне неолиберальных реформ. Даже если бы все «свободы» митингов, собраний и выступлений были запрещены «по книжечке» в 1990-х, политика всё равно цвела бы пышным цветом. Единственное, что характер противостояния на улицах был бы ещё жёстче, что, возможно, привело бы к гражданской войне. Но, по рассуждениям сего гения мысли, «большая левая политика» стала возможна благодаря Ельцину, который стал бенефициаром полной ликвидации остатков социалистических элементов демократии и советского государства как такового.

«Часть народа ушла из политики, часть стала лоялистами власти, часть (в том числе, и автор этих строк) решила сделать шаг назад и отказаться от лобовых столкновений с режимом для укрепления тылов - профсоюзов, социальных инициатив и налаживания агитации», - и опять ни слова о партии. Отшёл назад, дабы укрепить отдельные отряды, но напрочь забыл, что отрядам нужно командование, без которого армия превращается в банду. Да и где эти тылы сейчас? Где хвалёный Союз Марксистов? Где хоть одна инициатива, способствующая построению серьёзной организации и партии? Фонд поддержки «политзаключённых», большинство из которых спокойно можно записать в террористы? Рудой не ушёл укреплять тылы, а просто смылся из страны, облил грязью своё же детище и воркует с либералами о том, как они будут сидеть в разных фракциях и спорить в постпутинском парламенте, который лучше путинского только тем, что он не путинский и там есть Рудой.

«Суть была примерно такой: “Не лезем в политику - читаем Ленина, агитируем, а потом всё будет. Неважно, какие антидемократические нововведения реализует режим - работаем как работали. Нет смысла бороться за улучшение буржуазных порядков - только социализм, только хардкор (но когда-нибудь потом, когда много кто почитает Ленина, а режим совсем загниёт)», - именно поэтому все левые активно шли против пенсионной реформы? О каких буржуазных порядках вещает Рудой? До СВО Россия была чуть ли не самой

демократичной страной мира — потом произошли некоторые корректировки, вызванные войной, но даже сейчас Россия остается весьма демократичной страной с точки зрения абстрактных демократических принципов. Люди не брали то, что у них уже было, так чем же заниматься «левым»? Ещё Маркс писал, что не бывает революции там, где у рабочих есть работа, — именно это и наблюдалось (и, в общем-то, наблюдается) в России. Так о какой борьбе можно говорить? Рудой с Союзом Марксистов и Стейшн Маркс занимались ровно тем же самым: читали Ленина, агитировали, снова читали Ленина, снова агитировали и ждали чуда.

«Сейчас можно смело утверждать: агитпроп, развитие профсоюзов и социальных движений, а также кружковщина - всё это хорошо и достойно поддержки и развития (лучше уж на этом поле будет хоть что-то, чем не будет ничего), но всё это не приведёт к созданию политического субъекта, готового к свержению трижды клятого капитализма. Каждый, кто в 2023-м году утверждает обратное, каждый, кто говорит о том, что агитация, чтение Ленина или даже развитие локальных тренд-юнионистских инициатив породит в России сильное и могучее левое движение - либо кромешный глупец, либо шарлатан сродни иноагенту Максиму Кацу, который на полном серьёзе заявлял о возможности повлиять на президентские выборы, если либералы договорятся», — потому что днём деньги, вечером стулья. Сначала формируется партия из наиболее подкованных, работоспособных, самоотверженных людей, и только потом формируются все структуры, агитпроп и прочее. И да, для создания партии нужны кружки, нужны эти самые кадры, которые вы не производили, несмотря на то что имели для этого необходимый ресурс. Вы оказались в хорошем историческом периоде с точки зрения борьбы, случайно оказались там на позициях командиров и бездарно всё разбазарили — спрашивайте теперь только с себя.

«При этом в рамках подобного дискурса распространяется высокомерно-снобское отношение к западным левым - дескать, смотрите: довоевались они за права в рамках буржуазной демократии - никакой социалистической революции так и не произвели; то ли дело наши предки! Но при этом упускается, что Октябрьская революция произошла, возможно, в самой свободной и демократической стране изо всех участниц Первой мировой - именно таковой она стала после Февраля», — а откуда взялся «Февраль»? Из народного движения, так как народ был доведён до нищеты и уже сам брал власть, что и запускало процессы по изменению России. Призывать к «Февралю» без партии (которая на тот момент уже была организована) — это не вести дело к Октябрю, это вести дело к Корнилову и Колчаку, к Милею и Ельцину, то есть к геноциду и порабощению. Борясь ради борьбы, без реальных планов и целей, но регулярно отчитываясь о своей "борьбе" в социальных сетях и собирая одобрения таких господ, как автор "самой демократичной статьи из всех демократичных статей", евро-левые буквально пробивают дорогу фашистам. Мы отмечали эту тенденцию уже в брошюре по ультраимпериализму. Леволиберальные правительства и оппозиция, годами подтачивающие национально-государственные образования, разложили

политэкономические пространства своих стран, поставили целые регионы на службы ТНК. Теперь, когда маятник истории качнулся в другую сторону, когда только ленивый не говорит о переориентации региональных процессов "на себя" и "возрождении национальных государств", левые дискредитированы, и именно правые и ультраправые идут вперёд. Разные социал-демократы, и во власти и в оппозиции, через бесплодный акционизм, леволиберальную политику и движение ради движения буквально открыли путь фашистам во власть – свобода ради свободы обернулась тошнотой от свободы. Общество готово выбрать кого угодно, кто решит проблемы, вставшие во весь рост во времена "левого века". И да, оно готово идти за радикалами, типа Трампа, Ле Пен, Орбана, неофалангистов Испании и неофашистов Италии. Всё это прямая заслуга тех самых "допартийных" левых, заполонивших Европу и обе Америки, разложивших попутно и общественное самосознание, и, в значительной степени, самую идею социального прогрессивизма. И видя результаты деятельности этих нам-совсем-нетоварищей, автор статьи буквально требует идти их путём, требует пробежаться по минному полю вслед за этими крикунами, авось, они ещё не все мины обезвредили.

«Что делать? Мне немного неловко об этом напоминать, но для начала как левым спикерам, активистам, так и сочувствующей аудитории необходимо не забывать о банальном тезисе: марксизм как политическое течение продвигал и продвигает принцип радикальной демократии», - и опять мимо. Максимальная демократизация продвигается при ряде определённых условий. До этого радикальная демократизация - это тот же анархизм, не более. Об этом уже сказано выше, и в целом — марксизм вообще ничего не продвигает. Марксизм — это про конкретный анализ каждой конкретной ситуации, а не про извечные истины, которые-де надо продвигать вне зависимости ни от чего, и если конкретная ситуация требует наступления на демократизацию — значит мы на неё наступаем. Это всё равно что армия, которая должна двигаться вперёд, но если впереди минное поле, Рудой скомандует «Ни шагу назад!»?

«Наши путь: демократия на уровне организации, на уровне производства, на уровне межличностных отношений, на уровне общества и управлеченческих структур. И любое отклонение от этих норм - это именно отклонение, а не норма», - ваш, левый путь — да. Наш, марксистский — нет.

«Либеральные вожди любят выставлять себя в качестве единственной “демократической” альтернативы. Пора показать всем, что это не так. Мы должны быть большими демократами, чем либералы. У левых даже в рамках программы-минимум найдётся масса пунктов, которые предусматривают установление куда более широких практик народовластия, нежели могут предложить иноагенты Кацы, Навальные и Ходорковские. Вы предлагаете отмену репрессивных законов, амнистию политическим заключённым, свободу собраний, честные выборы, реальную федерализацию? Хорошо, мы только за. Но мы не считаем такой перечень достаточным. Добавим к этому свободу профсоюзной деятельности и расширение возможностей профсоюзов, рабочий контроль на производстве, автономию университетов и многое другое. И это

лишь программа-минимум!», - соль статьи. Абстрактные «мы» должны теперь соревноваться с конкретными либералами — организованными, поддержанными капиталом, вооружёнными — в абстрактной демократизации. «Мы» - это абстрактные левые, не партия и не организация, потому как её попросту нет. Более того, Рудой предлагает соревноваться с ними в рамках «буржуазной демократии», предлагает нам именно что постепенный переход от «фашизма», которого нет, к «буржуазной республике», в рамках которой действует буржуазная же демократия. То есть мы должны перебить либералов в буржуазной демократии, которая защищает интересы буржуазии и капитализма — замечательная логика! По Рудому, буржуазная демократия по мере наполнения её «свободами» перерастает в демократию социалистическую, значит можно просто добавлять те или иные «свободы» к существующему буржуазному строю и рано или поздно добиться его чудесного превращения в строй социалистический. Поразительно! Да ведь это же классическая социал-демократическая идея, а-ля поздний Плеханов, Бернштейн и Каутский! Вот так простое игнорирование материальной действительности и конкретной расстановки сил в классовом обществе, идеализм в мышлении и политических подходах приводит человека в стан самых радикальных антимарксистов.

Мы не любим впадать в цитатничество, но в данном случае будут весьма показательны некоторые пассажи Маркса, которые буквально отвечают Рудому через толщу времени:

«Что мелкобуржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время, — это не подлежит никакому сомнению. Поэтому, спрашивается, какова будет позиция пролетариата и в частности Союза по отношению к ней:

1. пока продолжают существовать теперешние отношения, при которых мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении;
2. в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес;
3. по окончании этой борьбы, на то время, когда они получат перевес над низвергнутыми классами и над пролетариатом.

В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они вообще проповедуют пролетариату единение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где ради столь желанного мира не должны быть выставлены особые требования пролетариата. Подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы ещё раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде

всего Союз должны добиваться того, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы относятся к такому союзу с пролетариями, в котором последние обладали бы равной с ними силой и равными правами, видно на примере бреславльских демократов: в своём органе, в «*Neue Oder-Zeitung*», они яростно преследуют самостоятельно организованных рабочих, которых они именуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого объединения. Поскольку необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем сам собою возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, своей решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишить пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвижение вперед по отношению к вооруженному пролетариату и продиктовать им такие условия, при которых господство буржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно гибели и последующее вытеснение его господством пролетариата будет значительно облегчено...».

Современное же положение для рабочего класса в рамках потенциального «союза» с либералами стократ хуже из-за ультраимпериализма и его особенностей. Статья Рудого демонстрирует полное непонимание текущего момента, отсутствие даже попытки применить марксистский анализ к реальности и к абстрактным вопросам. Рудой не марксист, а максимум левый, чего он, видимо, уже и не собирается скрывать. Как подобные люди вообще оказались, пусть и на историческое мгновение, во главе формирующегося коммунистического движения - отдельный вопрос. Как такие бациллы проникли в организм молодого движения, которое в 2010, казалось, начало приходить в себя после разгрома в 1990-х и затишья 2000-х?

Проблема как раз в отсутствии партии как ядра движения, без которого движение превращается в аморфное перетекание мыслей, действий и ошибок. Сегодня левые наперебой нахваливают того же Ленина как великого революционера и государственного деятеля, что, конечно, правда. Но ведь историческая правда в том, что куда большую часть своей жизни Ленин отвёл не на конкретные революционные действия и государственное управление, а на партийное строительство. Именно этот процесс стал главным в жизни Ленина, именно ему

он уделял особое внимание. Вопросы агитации и пропаганды, вопросы конкретных политических действий — всё это было глубоко вторично. Ведь если нет партии, нет штаба, то как организовывать людей?

Партийное строительство должно стать полноценной работой. Без чёткой структуры, без чёткой ответственности в рамках этой структуры и даже чёткой иерархии не будет качественного движения вперёд. Без партии любые временные завоевания рабочего движения очень быстро будут забраны вновь окрепшим классом буржуазии.

Остро стоит вопрос верификации знания, чего опять-таки не сделать в отсутствие партии, которая могла бы чётко отделять зёрна от плевел, — где марксистские материалы, которые позволяют понять реальность в её конкретности, а где очередная эклектическая похлёбка, которая если и использует частично марксистские подходы, то при этом всё равно скатывается в идеализм.

Заключение

Чтобы достигнуть той точки, которая сегодня кажется утопичной, нужна та самая партия, та самая железная дисциплина, тот самый авангард, который будет диктатором от прогрессивного класса на момент глобальных трансформаций. Именно в контексте этих вопросов и вызовов, которые стоят перед марксистами, следует приступать к формированию такой партии. Марксисты 19 века чётко понимали, для чего им партия, — пора это осознать и марксистам 21 века. Надеемся, данная брошюра поможет нам всем в этом.

Естественно, мы не претендуем на монопольную истинность. Мы, как и всегда, призываем к дискуссии, к выявлению слабых и сильных сторон работы, дабы ещё сильнее укрепить то ценное, что в ней находится. Но в конечном счёте, нам кажется, что именно на этом теоретическом базисе, учитывая конкретное понимание актуальной реальности — ультраимпериализм и процесс его распада, — и необходимо подходить к конкретике. Те, общие принципы становления и развития партии, которые тут представлены, будучи изначально заложены в партийную структуру, могут сделать её крепче и более приспособленной к историческим вызовам. Это дорожная карта, с которой можно заранее продумать то, как именно партия будет справляться с главными вопросами современности.